

Глава 27. Званный обед

Быстро собраться в путь всё равно бы не вышло. На сей раз Лян Сюань напугал Шэнь Гумина и Тан Тянь до полусмерти. Дорога до Цинсяо-цзун предстояла неблизкая и изнурительная, а оставлять этого несносного смутьяна одного никто не решался — мало ли каких ещё безумств натворит. В итоге маленькому бессмертному господину пришлось проделать приличный крюк до ближайшего города, заложить там драгоценный нефритовый кулон и вернуться уже с повозкой.

Лян Сюаню сейчас даже стоять было лень, так что ехать сидя — предел мечтаний. Однако, даже угнездившись на мягких подушках внутри экипажа, он не упускал случая отыграть свою излюбленную роль наглеца, так и напрашивающегося на хорошую затрещину.

— И зачем только деньги тратить? — вздохнул он с деланным разочарованием, будто сокрушаясь о непутёвом ученике. — Надо было просто отобрать повозку! А если силёнок не хватает — украсть. К чему эти лишние расходы?

Шэнь Гумин, шагавший впереди и молча тянувший лошадей под уздцы, даже не обернулся. Вместо ответа он бесцеремонно впихнул в руки Лян Сюаня миску с тёплой рисовой кашей и буркнул сквозь зубы:

— Ешь давай.

Лян Сюань расплылся в улыбке и с готовностью принял угощение:

— Премного благодарен за кормёжку, чмоки!

И тут же принялся с аппетитом уплетать кашу, шумно прихлёбывая.

В последние дни заметно потеплело. Снег таял, превращаясь на дороге в грязные лужи, в которых глухо шлёпали копыта. Лян Сюань лениво ковырялся ложкой в миске, погружённый в свои мысли. Юноша вёл лошадей вперёд. Молчание затягивалось, становясь неловким и тяжёлым, и тогда в роль спасителя атмосферы включился Тан Тянь, без умолку трещавший обо всём подряд.

Он принялся увлечённо расписывать, как матушка обгорела тогда до неузнаваемости — так, что лохмотья одежды припеклись к самой коже, — и как папенька потом бережно, миллиметр за миллиметром, снимал с неё эти обгоревшие тряпки, чтобы переодеть в чистое и перенести к источнику Ханьчуань.

— Я тогда ещё спросил у папеньки, что стряслось, — щебетал он. — А он ответил, что жутко

зол. Только не на тебя, матушка, а вообще. Говорил, безумно хочется начистить кому-нибудь рожу, чтобы выпустить пар. Но у источника шуметь духовными техниками нельзя, так что он сдержался. И просто сидел рядом, пока ты отмокала в воде.

Сами по себе эти откровения вроде бы не несли никакого криминала, но звучали крайне двусмысленно.

"Сидел рядом и смотрел, как я купаюсь... Кхм. Какая-то повадка вуайериста, честное слово"

— Матушка, ну скажи, разве папенька не заслужил похвалы? — продолжал капать на мозги Тан Тянь. — Он ведь так оберегал тебя! Сразу видно — настоящий глава семьи!

Каждый божий день этот пернатый гад нёс несусветную чушь.

Вконец замученный её нытьём, Лян Сюань сдался. Отодвинув занавеску, он высунулся наружу и с самым похоронным видом выдавил из себя:

— Ну надо же. Просто охренительно, твою мать.

При этом он выглядел так, будто оплакивал весь китайский народ.

Шэнь Гумин лишь молча покосился на него, не зная, как реагировать на подобное проявление благодарности.

— Кстати, Тан Тянь, как приедем в Цинсяо-цзун, за нами не ходи. Покрутись где-нибудь неподалёку, — велел Лян Сюань. — Вернёшься только тогда, когда услышишь мой свист.

— Но почему, матушка? — удивился тот.

— Любопытным птенцам мяса не дают, — Лян Сюань легонько пощекотал его округлившееся пузико. — И вообще, ты в последнее время подозрительно разжирел. Неужели чужой птичатиной балуешься?

Тан Тянь лишилась дара речи.

"Да как он мог подумать такое?! Есть собственных братьев?! Матушка возводит на него напраслину, у-у-у..."

Обиженно нахохлившись, он тихонько пискнул, давая понять, что всё уяснил.

У каждой из Сотни бессмертных сект были свои причуды касательно пиршеств, но Цинсяо-цзун никогда не любила устраивать лишнюю помпу.

Сейчас эта школа официально считалась величайшей в Поднебесной. Хотя, если верить сюжету того веб-романа, в который попал Лян Сюань, изначально она занимала лишь вторую строчку, уступая Павильону Циюй. Всё изменилось сто лет назад, когда явились Десять святых. Тогда небеса окрасились багрянцем, а мир содрогнулся, признавая за Лян Сюанем титул непревзойдённого Мастера Меча.

Если бы не это, Павильон Циюй со своей драконовской дисциплиной, где за малейший зевок на лекции учеников поролы нещадно, давно бы вернул себе первенство. Тем более что там правила сама Гу Фаньинь — главная героиня этой истории, под чьим началом ковались лучшие умы и клинки поколения.

Цинсяо-цзун в этом плане была куда либеральнее. Формально главой числился Почтенный Хуачэнь — он же Пэй Таньцзы, — но все дела на самом деле вёл Цюй Цинъюэ. Старик Пэй давным-давно ушёл на покой и предавался исключительно ленивому созерцанию бытия, забив на всё огромный болт.

При таком раскладе неудивительно, что местные адепты от скуки то и дело сбегали в бордели поразвлечься. Странно ещё, как они вообще удерживали за собой лидерство при подобном раздолбайстве.

Ранним утром у подножия горы клубился густой туман.

Цюй Цинъюэ, лично встречавший гостей у ворот, озадаченно замер, заметив, как в узком ущелье между скалами отчаянно пытается развернуться неказистая повозка. Ему хватило пары секунд, чтобы понять, кто именно пожаловал.

Среди заклинателей дураков не было: кто в здравом уме согласится трястись в телеге вместо того, чтобы с ветерком прокатиться на летающем мече?

Разве что его дражайший младший брат. Лян Сюань всегда души не чаял в своей Цзихуа, а без неё путешествовать на своих двоих ему было тяжело.

Цюй Цинъюэ мягко и благообразно улыбнулся. Спрятав руки в широкие рукава, он неторопливо подошёл к остановившемуся экипажу. Шэнь Гумин, сидевший на козлах, демонстративно отвернулся, проигнорировав приветствие, но Цюй Цинъюэ лишь снисходительно усмехнулся и негромко позвал:

— Младший брат.

Ответа не последовало. Младший брат дрых без задних ног. Пришлось Шэнь Гумину забраться внутрь и слегка потрясти соню за плечо, возвращая к суровой реальности.

Опираясь на подставленное плечо юноши, Лян Сюань лениво выбрался наружу.

Стоило Цюй Цинъюэ увидеть бледную фигуру в белых одеждах, как он тут же затревожился. Он быстро преодолел разделявшее их расстояние и осторожно, едва касаясь пальцами, перехватил Лян Сюаня за запястье.

— Что с тобой стряслось? — выдохнул он. — Почему ты в таком состоянии?

Внешние раны уже затянулись, но истощение душевных сил и повреждение самой сути духа были слишком очевидными.

Лян Сюаню чертовски не хотелось признаваться, что он просто устроил сеанс самосожжения из-за глупого порыва.

"Ох уж этот статус всеобщего любимчика... Сплошные хлопоты"

— Ну, скажем так, — Лян Сюань безмятежно улыбнулся в ответ, — благодаря одному придурку по фамилии Пэй я чуть не отправился на тот свет, но вопреки его же стараниям всё-таки выкарабкался.

Какая разница, что нести, лишь бы уйти от расспросов. Скопировав мягкую улыбку собеседника, он тут же перевёл тему:

— Но это дела прошлые. Я ведь так и не успел нормально поблагодарить тебя за помощь в тайном царстве.

Цюй Цинъюэ растерянно моргнул:

— Поблагодарить? За что?

— За то, что заступился за меня перед остальными, — Лян Сюань заговорщически подмигнул.

Цюй Цинъюэ лишился слов.

"Я что-то путаю, или ты тогда меня попросту проигнорировал и ушёл? Да и заступался за тебя не я, а Юань Цяньчао... И вообще, назвать нашего праучителя «придурком по фамилии Пэй» — это за гранью"

Цюй Цинъюэ деликатно кашлянул в кулак и посерьёзnel:

— Твои раны... К этому причастен учитель?

— Да нет, — отмахнулся Лян Сюань. — Каким боком он тут вообще сдался?

—...

— Я просто хотел лишний раз его обложить, — белозубо осклабился "младший брат". — Чисто для профилактики. Будет здорово, если до него дойдёт. Пусть лопнет от злости, старый хрыч.

Цюй Цинъюэ застыл с каменным лицом.

Дальше повозка проехать не могла. Лян Сюань начал медленно подниматься по крутым каменным ступеням, опираясь на верное плечо Шэнь Гумина. Беспокоясь о состоянии брата, Цюй Цинъюэ поручил встречу остальных глав сект младшим ученикам, а сам пошёл впереди, то и дело оглядываясь и предупреждая о неровностях дороги.

Лян Сюань впервые в жизни почувствовал себя настолько дряхлым. Ощущения были такие, словно у него внезапно обострился застарелый ревматизм — ноги отказывались слушаться.

Впрочем, совесть его никогда не мучила. Руководствуясь жизненным кредо "зачем стоять, если можно сесть, и зачем сидеть, если можно лечь", он с удовольствием принимал чужую помощь.

Решив проверить терпение своего юного спутника на прочность, Лян Сюань лукаво прищурился:

— Послушай, Мин-эр, а давай ты меня на закорках понесёшь, а?

Юноша резко замер и медленно повернул к нему голову.

Серые глаза юноши оказались совсем близко. Лян Сюань на мгновение залюбовался ими, а когда опомнился, Шэнь Гумин уже послушно опустился перед ним на одно колено, подставляя широкую спину.

"Ого. Какая невиданная щедрость"

Не оборачиваясь, Шэнь Гумин сурово буркнул:

— Ты ранен. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы помочь. И не смей потом говорить, что просто шутил или издевался надо мной! Хочешь — полезай на спину, не хочешь — проломи мне череп и ступай по трупу!

"То есть без вариантов — лезть придётся?"

Устроившись на его спине и обхватив руками за шею, Лян Сюань примиряюще зашептал ему на ухо:

— Ну-ну, хороший мой, ты всё ещё дуешься? Я понимаю, что злишься ты, скорее всего, не на меня. Но когда ты вот так демонстративно забываешь про вежливые обращения к моему величеству, моё величество не может не чувствовать себя виноватым.

Шэнь Гумин лишь раздражённо фыркнул. И когда только этот невыносимый человек перестанет паясничать? Тем не менее вставать он не спешил, дожидаясь, пока пассажир устроится поудобнее.

Шедший рядом Цюй Цинъюэ негромко рассмеялся:

— Рад видеть, что рядом с тобой есть такой преданный юноша. Когда ты вернёшься на пик Чанлэ, я попрошу учителя официально перевести маленького бессмертного господина в твоё распоряжение, чтобы он жил при твоей обители.

Шэнь Гумин мгновенно воодушевился. Лян Сюань же, напротив, слегка нахмурился.

Он уткнулся подбородком в плечо ученика, прикрыв глаза длинными ресницами так, что невозможно было разобрать выражение его лица.

— Там видно будет, — сухо обронил он.

Пик Сюэмэй

Празднество устроили на пике Сюэмэй. Столы ломились от изысканных угощений — всё в лучших традициях сдержанного благородства секты. Важные господа и старейшины из различных орденов чинно рассаживались по своим местам.

Разумеется, статус гостей определялся близостью их столов к главному, почётному месту. Лян Сюань, ни секунды не колеблясь, утащил Шэнь Гумина за самый дальний столик — как можно дальше от Пэй Таньцзы.

Но Первый красавец Поднебесной не мог остаться незамеченным, даже если бы спрятался под стол. Стоило ему присесть, как по рядам пополз шепоток. Вскоре к ним подскочил какой-то услужливый заклинатель:

— Вэйцы-цзюнь, ну как можно сидеть в таком захоlustье? Это же совершенно не соответствует вашему с маленьким господинчиком высокому положению!

Лян Сюань приложил колоссальные усилия, чтобы не послать назойливого советчика по известному адресу.

"Какое твоё собачье дело, где мне сидеть?"

— Слухи не врут... Вэйцы-цзюнь действительно наделён божественной красотой. Сегодняшняя встреча для меня — величайшая честь... Истинное великолепие.

Комплиментов в своей жизни Лян Сюань наслушался предостаточно, но этот голос звучал на удивление сально, да ещё и с противным заиканием. Поморщившись, он скосил глаза в сторону говорившего и увидел лоснящегося от жира толстяка, который бесстыдно пожирал его глазами.

Об оргиях и скверном нраве хозяина горы Линси ходили легенды: поговаривали, от его незаконнорождённых отпрысков уже яблоку негде упасть.

Глядя на эту заплывшую жиром физиономию с пороссячьими глазками, Лян Сюань мысленно вынес вердикт: перед ним типичный эпизодический мерзавец, если не сказать хуже.

"Подобные карикатурные извращения в приличных романахдохнут к тридцатой главе, не позже"

Похотливый боров, разумеется, о своей скорой кончине в сюжете не подозревал. Заметив ответный взгляд, он оживился ещё сильнее и шумно сглотнул слюну с таким видом, словно его только что опоили сильнейшим афродизиакom.

Его липкий, раздевающий взгляд скользил по шее Лян Сюаня, опускался к талии и бёдрам, становясь всё более наглым и нетерпеливым. Даже сидевшие за соседними столами заклинатели начали неловко переглядываться, не зная, как утихомирить наглеца.

Сам же виновник чужого вожделения лишь невозмутимо пригубил чай, продолжая безупречно удерживать марку ледяного бессмертного.

"Ладно, сейчас я слишком слаб, чтобы вступать в открытую конфронтацию и устраивать сцены. Но как только этот балаган закончится, я лично сдеру с этого старого козла шкуру и повешу сушиться на ближайшем дереве"

Шэнь Гумин тоже почувствовал этот липкий, омерзительный взгляд. Заметив, что Лян Сюань никак не реагирует на провокацию, он лишь незаметно метнул в сторону жирдяя убийственный взор, острый как лезвие меча.

Толстяк уловил мимолётную жажду крови и испуганно отпрянул, заозиравшись по сторонам. Не заметив ничего подозрительного, он шумно сглотнул, и похотливые мысли вновь зароились в его скудном уме. Он уже собирался подняться, чтобы под благовидным предлогом подойти к Лян Сюаню, как вдруг в зале воцарилась гробовая тишина.

Прибыл глава Цинсяо-цзун.

Длинные волосы Почтенного Хуачэня отливали чистейшим серебром, а его белоснежное одеяние мерцало едва заметными узорами. Суровые черты лица казались высеченными из куска вечного льда, а сияющая серебром эмблема меча на лбу лишь подчёркивала его грозную, непоколебимую ауру.

Стоило Пэй Таньцзы опуститься во главу стола, как его мощная духовная аура тяжёлой волной накрыла присутствующих. Гости один за другим торопливо поднимались со своих мест, склоняясь в глубоком, почтительном поклоне. Никто не осмеливался поднять взор на величайшего мастера Поднебесной.

Никто, кроме одного человека.

Этот бунтарь не то что не соизволил поклониться — он даже не подумал встать со стула.

Пэй Таньцзы медленно повернул голову. Он смотрел на безупречный профиль Лян Сюаня. Его ученик в любой момент и с любого ракурса оставался ослепительно, невероятно красив.

Старейшина на мгновение смягчился. Но не успел он произнести и слова, как Лян Сюань повернулся к нему и выдал фальшивую, вызывающую улыбку:

— Прошу простить мою дерзость, Почтенный Хуачэнь. Моё здоровье в последнее время оставляет желать лучшего, так что обойдёмся без церемоний. Надеюсь, вы не станете винить меня за несоблюдение этикета.

В каждом его слове сквозило ледяное отчуждение. Пэй Таньцзы мгновенно помрачнел, а скрытые в широких рукавах пальцы сжались в кулаки.

Обычно он свято оберегал свой статус и величие: в присутствии посторонних из него и пары слов нельзя было вытянуть, и лишь наедине со старшим учеником он позволял себе некоторую искренность.

Однако тревога за любимого ученика пересилила гордость. Стоило ему заговорить, как вся его

напускная суровость растаяла, уступая место непривычной, почти щемящей нежности:

— Вэйцы, подойди ближе. Позволь мне осмотреть твои раны.

Грозный Почтенный Хуачэнь, гроза демонов и опора праведного пути, на глазах у сотен знатных гостей пренебрёг всеми правилами приличия лишь ради того, чтобы справиться о здоровье своего строптивого ученика.

<http://bllate.org/book/18178/1752027>